

Божественный врач Бянь Цюэ однажды сказал, что существует шесть неизлечимых болезней. Одна из них - верить в колдовство, а не в медицину. Если пациент верит в колдовство больше, чем в исцеление, то, как бы ни старался целитель, он не сможет правильно подобрать лекарство.

Вера госпожи Ли в колдовство и неверие в медицину дошли до крайности. Юй Цзинь Нянь задался вопросом, что именно в руках монаха в белом заставило госпожу Ли так доверять ему.

Госпожа Ли причитала и рассказывала историю о том, как съела сердце младенца, чтобы забеременеть сыном. Ноги Ян Цая ослабли, но он все еще стоял на месте, дрожа всем телом. В конце концов, безумие госпожи Ли длилось не день и не два, сколько людей поверит словам сумасшедшей?

Монах в белом слегка пошевелился и между его пальцами появилась маленькая черная пилюля размером с боб мунг. Он отдал ее госпоже Ли как будто в награду. Госпоже Ли показалось, что таблетка была гораздо меньше, чем те, что он давал ей раньше. На ее лице появилось выражение мольбы и жалости, но она не осмелилась больше ничего сказать. Ее руки дрожали от боли, когда она пыталась взять таблетку, но не могла удержать ее. Черная таблетка упала на землю, прокатилась по щели между галькой и остановилась у ног Юй Цзинь Няня.

Он взял маленькую таблетку и потер ее двумя пальцами, от нее исходил слабый горьковатый и вяжущий запах разложения. Глаза Юй Цзинь Няня слегка сузились, когда он наконец-то вспомнил показавшийся знакомым запах, и с некоторым благоговением воскликнул:

- Опиум?

Возможно, время поджимало и сырец не прошел более тонкую обработку, поэтому в сырой пасте осталась некоторая горечь, которую ощутил Юй Цзинь Нянь. В противном случае, если бы паста была приготовлена должным образом, она должна была пахнуть сладко и ароматно.

Например... как то, что он почувствовал, когда впервые пришел в комнату Исиня. Но затем Исинь сжег освежающие благовония, чтобы скрыть запах опиума.

Неудивительно, что госпожа Ли смогла остановить боль после приема этого Истинного Эликсира. Опиум изначально является сырьем для опиоидных препаратов, и содержит морфин. Он может успокоить и облегчить боль. Если она будет принимать его в течение длительного времени, то неизбежно станет зависимой, поэтому не сможет обращаться к другим врачам. Эта маленькая капсула обладает некоторым ароматом опиума, но очень легким. Возможно, что это не чистая паста и в нее подмешано что-то еще.

Поскольку эта таблетка была раздавлена Юй Цзинь Нянем, монах в белом достал другую и отдал ее госпоже Ли. Госпожа Ли больше не смела быть беспечной и взяла таблетку обеими руками, торопливо запихивая ее в рот.

Позади нее Ян Цай подобрал с земли камень и поднял руку, чтобы обругать госпожу Ли:

- Сумасшедшая сука! Какое мне дело, если ты вырезала младенцу сердце и легкие, не лей на меня эту грязную воду! Я забью тебя до смерти, ты...

- Учитель, помогите мне! - госпожа Ли слишком долго задыхалась от призрачного ребенка в животе. В это время она снова наполнилась энергией и была так взволнована, что могла говорить, не обращая внимания на последствия. Когда она увидела, что Ян Цай собирается избить ее, она испугалась еще больше, обняла ноги монаха в белом, спряталась за ним и крикнула:

- Ян Цай! Думаешь, я не знаю о твоём романе с этой сучкой по имени Чжао? Именно ты не позволил этому ребенку родиться! Лишь потому, что я верила в тебя, я позволила этому призрачному ребенку занять мой живот! Ян Цзинь, ты тоже дурак, ты даже не знаешь, что тот ребенок был не твой, вы все дураки...

- Чуть собака! - Ян Цай сердито выругался, схватил госпожу Ли за волосы и вытащил ее из-за спины монаха в белом. Замахнувшись, он несколько раз ударил ее.

В это время Цин Хуань, которая помогала на кухне, пришла искать брата Сяо Няна. Увидев эту жестокую сцену избиения и ругани, она была так потрясена, что спряталась рядом с Цзи Хуном и прошептала:

- Что это...

Цзи Хун прошептал:

- Не спрашивай и не смотри. Здесь больше нечего делать, тебе следует вернуться в лапшичную.

Цин Хуань сказала: «О», и отправилась домой с кучей вопросов.

Госпожа Ли, получившая несколько пощечин по лицу, закричала. Внезапно обернувшись и увидев на стене кошку-циветту с испачканной кровью мордой, она разразилась смехом:

- Никто не уйдет от возмездия! Этот дух кошки-циветты снова здесь, хахаха... снова здесь! Даже тигр не ест своих детенышей. Ян Цай, ты содрал кожу с собственного сына и вырезал ему внутренности. Это возмездие!

Юй Цзинь Нянь тоже поднял голову. Кошка-циветта черепахового окраса была очень сильной. Кто знает, чем ее кормили, она была даже больше, чем Динь-Динь. На шее у нее висела небольшая матерчатая сумка.

Кажется, кошка только что съела сырое мясо, мех вокруг ее рта был окрашен кровью.

Кошка-циветта спрыгнула вниз со своей маленькой сумкой. Из матерчатого мешочка выскочил небольшой предмет, похожий на палку. Смелый слуга подошел, чтобы взять его, увидел, что это была маленькая косточка ноги, и в шоке отбросил ее.

Колени третьей госпожи Чжао ослабли, и она чуть не упала на землю. К счастью, ее поддержала стоявшая рядом служанка. Цвет матерчатой сумки был таким же, как и у той ткани, в которой она похоронила своего нерожденного ребенка.

Ян Цзинь свирепо уставился на свою жену. Он думал о том, как заботился о ней с тех пор, как она потеряла сына. Но он и представить себе не мог, что она сошлась с Ян Цаем, этим развратником!

Кто-то из служанок, стоявших позади, прошептал:

- Я думала, что в деле об изнасиловании речь шла о четвертом мастере, но теперь оказалось, что это был второй мастер...

Вдруг раздался звон золотого колокола. Все в саду погрузилось в молчание. Почтенный монах в белом взмахнул своим оловянным посохом и пошел в сторону двора наложницы Лань.

- Раз уж так, то лучше определить правильное и неправильное и спросить у костей.

Услышав, что монах хочет определить родство по костям, Ян Цзинь первым последовал за ним. Госпожа Ли, сдерживая боль в животе, направилась следом, опираясь на свою служанку. Остались только госпожа Чжао и Ян Цай. Одна упала на землю в шоке, другой плевался и ругался.

Была зима и уже в первой половине часа Юши небо было густым, как чернила. Во дворе наложницы Лань было зажжено несколько ламп со свечами. Их тени раскачивались на ветру, делая пустой двор, который был заброшен в течение нескольких лет, еще более мрачным. Только толстая кошка-циветта сидела на столе, вылизывая медовое пюре из батата, которое приготовил Юй Цзинь Нянь. Затем она распрямила спину и свернулась калачиком на столе, чтобы вылизать свою шерсть.

Монах в белой мантии поднял руку и погладил кошку по спине, а затем развернул маленький сверток. Как только содержимое матерчатого мешка попало в поле зрения, две красные свечи на столе для подношений на мгновение вспыхнули жутким белым пламенем.

Он достал иглу и сказал:

- Пожалуйста, дайте по две капли крови, чтобы эта детская косточка сама определила... кто ее

настоящий отец?

Кровавое признание*?!

Ян Цай вел себя робко, как мышь. В тот момент, когда он услышал, что должен дать кровь, чтобы проверить отцовство, он даже не смог притвориться спокойным. Кто лучше него знал, является ли этот ребенок его семенем или нет? Если бы Ян Цзинь не был бесполезен в спальных делах, разве госпожа Чжао могла так ошибиться с ним?

Но как он мог представить, что его собственная жена за три года не снесет ни одного яйца? А с госпожой Чжао у них было всего несколько раз и она забеременела!

Госпожа Чжао была настолько одержима, что пыталась с помощью своего ребенка бороться за семейное состояние. Как он, Ян Цай, мог шить свадебное платье для других*? Конечно, он не мог оставить ребенка, поэтому необходимо было что-то с этим делать. Что касается четвертого брата... Откуда он знал, что госпожа Чжао плеснет грязной водой на этого несчастного четвертого брата!

(ПП: делать что-то для чужой выгоды)

Госпожа Чжао рухнула на землю. Несмотря на то, что слуги пришли ей на помощь, ее ноги были слишком слабы, чтобы встать.

Ян Цай, напротив, продолжал отступать в толпу. Он как раз собирался убежать, но несколько слуг вернули его и прижали к столу для подношений. Ян Цзинь, который долгое время сдерживал свой гнев, подошел к нему, схватил одну из его рук и прижал ее к столу. Он не стал использовать иглу в руке монаха, а снял с пояса охранника нож с широким лезвием и ударил им Ян Цая по руке.

- А-аа...! - Ян Цай закричал от боли во всю мощь своих легких, наблюдая, как горячая, липкая кровь стекает с его руки на белые кости и очень быстро просачивается внутрь.

Увидев, как кровь Ян Цай впиталась в детскую кость, глаза Ян Цзиня засверкали, он так разозлился, что чуть не разрубил руку Ян Цая ножом, и сердито сказал:

- Что еще ты можешь сказать?

- Невозможно, невозможно! - Ян Цай энергично покачал головой и в панике сказал. - Я давным-давно закопал труп ребенка на склоне холма храма Фэн Бо, и я даже не помню, где я его закопал! Откуда этот демонический монах мог узнать? Он, должно быть, взял случайный труп, чтобы обмануть тебя!

Раньше это был монах, а теперь - демон.

Когда госпожа Чжао услышала, что труп ее сына был перемещен Ян Цаем, в ее глазах промелькнул шок. Ян Цай осквернил труп. Тогда детская кожа... Кто содрал ее? Она почувствовала, как холод пробирает ее до костей. Несмотря на то, что она была неверной женой и боялась, что о происхождении ребенка в ее чреве станет известно, но в конце концов, это была ее плоть и кровь. У нее никогда не было такой порочной мысли, как снять с него кожу и вырвать сердце!

Монах в белом был спокоен и расслаблен. Сцепив руки, он нараспев произнес «Будда Амитабха» и сказал:

- Когда я собрался сесть под дерево для медитации, я обнаружил, что мой футон заняла раненая кошка-циветта. Из глаз кошки текла кровь, она скулила и горевала. Она ничего не ела и не пила, и провела под деревом целый день и ночь. Этот монах увидел, что эту кошку привел Будда, поэтому я разговаривал с ней несколько ночей.

- Она сказала, что пережила несправедливость у подножия горы, и теперь она одна и умирает, поэтому она умоляла меня заступиться за нее и позаботиться о ее ребенке. Сказав это, она зарыдала и умерла, превратившись в зеленый дым и уйдя из жизни, - монах в белом указал на кошку-циветту, мирно свернувшуюся на столе для подношений. - Этот кот - ее сын, и именно обиженный дух его матери направил его к этим детским костям...

- Пфф...

Именно в этот напряженный и серьезный момент во дворе раздался неуместный смешок, от которого невозможно было удержаться. Как только простая белая вуаль монаха в белом сдвинулась, Юй Цзинь Нян тут же прикрыл рот и спрятался в объятиях Цзи Хуна. Он уткнулся лицом в грудь Цзи Хуна и вел себя как страус, словно говоря: «Это не я. Я не имею к этому никакого отношения».

Цзи Хун прикрыл юношу своими длинными рукавами и увел его в неприметный угол двора, где сказал:

- Ты такой непослушный, смотри, как бы тебя не побили.

Юй Цзинь Нян скорчил гримасу и тихо сказал:

- Я не мог удержаться, его история о кошке-матери, плачущей кровавыми слезами, и ее сыне-коте, ищущем кости, была слишком ... - он хотел сказать, что это было смешно, но когда он посмотрел на серьезное лицо Цзи Хуна, он спросил его. - Ты веришь в это?

- Если ты не веришь, то и я не верю, - естественно сказал Цзи Хун.

Так беспринципно.

Юй Цзинь Нян засмеялся, указал на детские кости и тихо сказал:

- Этот детский труп - всего лишь белые кости. Не говоря уже о крови Ян Цая, даже если ты найдешь какую-нибудь кошку или собаку и выльешь на их кости чашку апельсинового сока, он сможет просочиться внутрь. Такой способ идентификации родственников в лучшем случае обманет старые суеверия семьи Ян.

Говоря об этом, он не мог отделаться от мысли, что возможно, монах в белом знает, что этот метод не действует, и потому пришел сюда лично, чтобы обмануть всех. И вот, весь дом был одурочен. Глупый второй мастер Ян был прав насчет сюжета, но никто ему не поверил.

В этот момент третий мастер Ян указал пальцем на госпожу Чжао и выругался:

- Ах ты, шлюха! Кто-нибудь, быстро схватите ее и запирайте в родовом зале, я попрошу старейшин клана утопить эту пару любовников в клетке для свиней!

Несколько слуг смотрели друг на друга, не решаясь идти вперед, пока Ян Цзинь не пнул их дважды. Тогда они поднялись, чтобы скрутить его собственную жену.

- Ян Цзинь, ты думаешь, что ты какой-то хороший человек?! - прижатая к земле госпожа Чжао видела, что ей нечего терять, и закричала. - После того, как у меня случился выкидыш, кто сказал мне обвинить четвертого брата? Ты даже не позаботился о моей репутации и заставил меня сказать свекру, что четвертый мастер взял меня силой... Ты боялся, что если мы потеряли ребенка, то семейный бизнес унаследует четвертый брат!

Несколько охранников скрутили госпожу Чжао и отвели в угол, но она все еще поворачивала голову, чтобы с усмешкой посмотреть на толпу во дворе:

- В вас нет ничего хорошего, вы все звери! Вы заслуживаете мести наложницы Лань!

Она посмотрела на кошку-цветку на столе и закричала:

- Четвертый брат, посмотри на эту группу ублюдков, это они убили тебя и твою мать! И этот Ян Цай - самый худший из всех!

Услышав, что кошка-цветка на столе - это четвертый брат, Ян Цай, не потрудившись прикрыть кровотокающую ладонь, упал на землю и поклонился:

- Маленький Четвертый... Это не я, это не я. Все они сыграли свою роль! Человек, оклеветавший твою мать в прелюбодеянии, был найден третьим братом. Я не знал об этом! И я не был ответственен за все эти призрачные движения. Возможно, это все дело рук этого ублюдка Ян Цзиня. Если хочешь отомстить, иди к нему. Иди к нему!

Кошка-цветта на столе открыла свои зеленые глаза и посмотрела вниз на людей.

Ян Цзинь был так зол, что его лицо покраснело, и он сильно пнул Ян Цая:

- Засунь свой язык в задницу! Разве не ты нашел того старого даоса?!

.....

Что за фарс - кусать и обвинять друг друга.

Без Яна Цзюфу, столпа семьи Ян, который держал всех в ежовых рукавицах, семья мгновенно рассыпалась. Как только скандальные поступки каждого из них были раскрыты, они стали похожи на стаю волков, сбросивших овечью шкуру. Они больше не могли притворяться нежными и элегантными, полностью раскрыв непокорный характер семьи Ян.

Управляющий все еще был членом внутреннего круга мастера Яна, но, в конце концов, он всего лишь управляющий. Пока в доме нет хаоса, он сможет им управлять. Но когда наступает полный хаос, его слов уже недостаточно.

Юй Цзинь Нян покачал головой, он не хотел больше ничего видеть и не хотел, чтобы эта непристойная сцена избиения и издевательств друг над другом оскорбляла глаза Цзи Хуна, поэтому он взял мужчину за руку и выскользнул со двора, пробираясь через промежутки между людьми.

Как только он покинул двор, маленькая служанка, которая разорвала Сутру Дхармы, вышла следом и позвала его:

- Маленький господин!

Юй Цзинь Нян обернулся на звук ее голоса.

Маленькая служанка передала Юй Цзинь Няну пачку серебряных слитков и сказала, что управляющий приказал ей отдать деньги за вегетарианский банкет. Но при нынешней ситуации, боюсь, трехдневной церемонии не будет. Подразумевалось, что господин Юй и господин Цзи должны покинуть дом как можно скорее.

Юй Цзинь Нян, естественно, был счастлив и не потрудился быть вежливым с семьей Ян. Он протянул руку, чтобы принять серебряные слитки и взвесил их. Это было вполне реально.

Видя, что он уходит, молодая служанка вдруг набралась храбрости и повторила:

- Маленький господин, в будущем... можно ли попросить вас прийти и вылечить нашу госпожу?

Юй Цзинь Нянь поднял брови и, казалось, нашел это очень странным, он очень хотел напомнить собеседнице, что дело не в том, что он не хотел вылечить госпожу Ли, а в том, что госпожа Ли верит в колдовство, а не в медицину, и отказывается принимать его лекарства.

Маленькая служанка склонила голову и сказала:

- Эта служанка хотела бы кое-что рассказать маленькому господину... Госпожа раньше была доброй, и однажды она даже дала серебро, чтобы спасти мою семью от трудного времени. Только позже она стала немного раздражительной из-за вопроса о детях.... Потом у нее появились боли в животе, и она продолжала говорить о призрачном плоде...

Юй Цзинь Нянь не смог удержаться и пробормотал тихим голосом:

- Разве это не потому, что в ее в сердце есть призрак?

Поскольку служанка была далеко, она не расслышала его. Зато мужчина, стоявший рядом, все услышал. Цзи Хун положил одну руку на талию Юй Цзинь Няня и нежно сжал. Он нахмурился и отругал его за то, что он говорит глупости в присутствии других.

Маленькая служанка продолжала:

- Поэтому я отправилась в храм Фэн Бо, чтобы помолиться за госпожу, и по дороге встретила преподобного Чэнконга, который выслушал меня и дал мне коробочку с пилюлями, сказав, что они очистят призрачную энергию. Но ...

Она сделала паузу и, казалось, о чем-то размышляла. Сначала она оглянулась на двор наложницы Лань, в котором царил беспорядок. Увидев, что монах в белом все еще стоит там, она, наконец, решила высказаться.

- В прошлом месяце, когда преподобный пришел доставить лекарство, у меня был шанс увидеть его настоящее лицо. Хотя я лишь мельком взглянула на него и не видела его по-настоящему, но у меня было смутное ощущение, что лицо преподобного Чэнконга похоже на...

- На кого? - Юй Цзинь Нянь надеялся, что она скоро закончит, и он сможет отвести своего господина Цзи домой, чтобы тот погрелся под одеялом.

Маленькая служанка топнула ногой, чтобы подбодрить себя:

- Как маленький четвертый хозяин нашего дома, которого уже давно нет в живых!

Юй Цзинь Нянь на мгновение опешил, думая про себя, что происходит.

- Хотя прошло уже несколько лет и я не знаю точно, как должен выглядеть маленький четвертый мастер, когда вырастет, но как только я увидела монаха, я вспомнила четвертого мастера. Но в то время тот даосский учитель сказал, что наш четвертый мастер и наложница Лань умерли... - служанка пожала плечами, чтобы прогнать холодное чувство, возникшее без причины, и смело сказала. - В тот день молодой господин Юй также был там и сам слышал, что в храме Фэн Бо не было преподобного Чэнконга. Но сам досточтимый мастер только что говорил, что он медитировал в храме Фэн Бо... Я не знаю, быть может обиженный дух четвертого мастера еще не рассеялся, и поэтому он использовал это прикрытие? Госпожа Ли является спасителем семьи этой служанки, мне действительно невыносимо видеть, как он продолжает обманывать ее. Маленький господин Юй очень искусен в медицине, даже божественный доктор Цзоу похвалил вас, вы должны быть в состоянии вылечить болезнь моей госпожи.

- Эта служанка не смеет сказать, является ли то существо во дворе человеком или нет...

Не успели слова покинуть ее рот, как позади нее из воздуха раздался звон оловянных колец. Служанка была так напугана, что споткнулась и бросилась к Юй Цзинь Няню. Цзи Хун протянул руку и обхватил молодого человека. Прежде чем Юй Цзинь Нянь успел отреагировать, он уже был прижат к Цзи Хуну, а в ноздри ударил аромат свежего мыла.

Что касается служанки, то она упала головой вниз и потеряла сознание. Юй Цзинь Нянь ойкнул, наблюдая за происходящим.

Цзи Хун нервно спросил:

- Ты не ударился?

- Боюсь, что она упала очень сильно, - Юй Цзинь Нянь отстранился от его руки, опустился на колени и перевернул служанку лицом вверх. Убедившись, что она только потеряла сознание и не была серьезно ранена, он успокоился и затем сказал, смахивая пыль со своих рук. - Чего она так испугалась?

Молодой голос рассмеялся:

- Откуда господин Юй знает, что я человек, а не обиженная душа?

- Обиженная душа не может придумать такой длинный метод, поэтому она бы лучше просто съела их, - Юй Цзинь Нянь встал, держась за руку Цзи Хуна, и посмотрел на монаха в белой одежде, который появился из ниоткуда. - Не так ли, монах Исинь... четвертый мастер Ян?

Монах в белой одежде слегка покачал головой и несколько раз рассмеялся, а затем поднял

руку, чтобы снять с головы шляпу с вуалью, открыв ясное лицо.

Это был не кто иной, как Исинь.

Он имел все тот же мягкий и безобидный вид и легкую улыбку:

- Сегодняшний вегетарианский стол... самый роскошный из тех, что Исинь видел за все эти годы. Мастерство повара Юя весьма впечатляет.

Когда Юй Цзинь Нян догадался, что это Исинь, он только удивлялся. Но когда он действительно увидел, что это Исинь, он вдруг почувствовал холод. Поэтому он наклонился к Цзи Хуну и с замиранием сердца сказал:

- Как бы хороша ни была моя еда, но она не так хороша, как методы мастера Исиня. То, как вы играете с призраками, в сто раз лучше, чем моя стряпня.

Исинь задумался:

- Будь это не так, разве они бы покались? Как они могли знать, что нищий, выдававший себя за даосского священника, сломал мне ногу и оскорбил мою мать? В их глазах были только желтые и белые куски металла! Должны ли мы, столь преданные Будде, страдать от этого греха? Разве они не заслуживают знать, каково это - замерзнуть во льду и снегу без одежды, умирать от голода, не имея еды?

Юй Цзинь Нян: «...»

Слова Исиня были крайне возмущенными, но его лицо ничего не выражало, и он даже улыбнулся, что вызывало жуткое чувство.

Цзи Хун холодно сказал:

- Какое отношение твоя месть имеет к нам?

Исинь вздохнул:

- Вы не имеете к этому никакого отношения. Но когда я встретил мастера Юя в тот день, я вдруг передумал. Я жил только для того, чтобы отомстить за свою смерть. Для этого я даже ездил в другую страну, чтобы научиться искусству алхимии. В нашей стране никогда раньше не видели таких странных и изобретательных техник, так что я заработал много денег на этом наряде.

Юй Цзинь Нян изумился. Настолько много? Это большая сумма денег.

Монах слегка приподнял свою белую одежду, посмотрел на молодого человека, который был немного ниже его ростом, и серьезно сказал:

- У Исиня была короткая жизнь, но всю свою жизнь он говорил то, чего не имел в виду. Но сегодня я хочу сказать тебе правду, чего не делал уже давно - ты мне нравишься. Я никогда не желал тебе зла.

Юй Цзинь Нян: «...?»

Словно столкнувшись с врагом, Цзи Хун сделал полшага вперед, властно обнял дрожащего молодого человека за плечи, с холодным лицом молча и демонстративно объявляя о своем суверенитете.

Исинь внезапно улыбнулся Цзи Хуну и сказал:

- Не нужно так нервничать, господин Цзи. Исиню искренне нравится господин Юй, но это просто чувство восхищения и тоски. Я не хочу ничего с ним делать. Более того, у Исиня нет способностей предложить господину Юю беззаботную жизнь. Но я также прошу господина Цзи не отказываться от своей любви ради кого-то другого.

Почему это прозвучало так неловко? Как будто Юй Цзинь Нян был чем-то, что можно было отдать по своему желанию. Юй Цзинь Нян мрачно надулся.

- Я совершил много нечистых поступков, недостойных Будды и недостойных веры. Я прожил всего двадцать один год. Первые десять лет моей жизни были сплошной неразберихой, средние годы были потрачены впустую на скитания. Несмотря на то, что у меня было много денег, не было ни одного дня, когда я был бы счастлив и спокоен - за исключением дня Фестиваля Зимней Одежды.

Казалось, Исинь о чем-то подумал и в его глазах блеснул странный свет.

- Это было интересно, Исинь никогда раньше не встречал никого подобного.

Цзи Хун был немного нетерпелив, любой, кто был бы вынужден слушать, как мужчина рядом с ним постоянно расхваливает, насколько интересным и милым был его собственный юноша, уже давно должен был испытать ревность, поэтому он прервал его:

- Что именно ты хочешь сказать?

Исинь внезапно отвлекся от своих мыслей и вернулся к теме:

- Маленький господин вылечил болезнь Исиня, но Исинь еще не заплатил за консультацию, поэтому я чувствую себя очень виноватым. Сегодняшняя поездка - это плата вам за консультацию, а через несколько дней к двери будет доставлен благодарственный подарок доктору.

- Что ты имеешь в виду? - поинтересовался Юй Цзинь Нян.

Исинь притворился загадочным и спокойно сказал:

- Вы узнаете через пару дней, так что, пожалуйста, возвращайтесь. Сейчас глубокая ночь, будьте осторожны в пути.

С этими словами он вернулся во двор наложницы Лань, закрыв за собой дверь и запечатав внутри звуки ругани и криков. Внутри раздался звон колец на посохе лотоса, сопровождаемый торжественным звоном колокола Будды, а затем, через несколько мгновений, раздалось пение сутр, но не похожее на пение буддиста, а скорее на пение призраков.

Юй Цзинь Нян толкнул дверь во двор, но она не сдвинулась с места, как будто что-то застряло в замке.

—

На следующий день Юй Цзинь Нян проснулся в лапшичной. Он обернулся и потер глаза, увидев рядом мужчину с закрытыми глазами. Он погладил его черные волосы и взъерошил их. Затем он схватил Цзи Хуна за воротник и поднес его к лицу, чтобы понюхать - это был такой успокаивающий запах, расслабляющий тело и разум.

Вспомнив о том, что произошло с ним вчера, он вздрогнул, вскочил с кровати и поспешил на кухню.

Цин Хуань месила тесто на кухне. Увидев его, она поздоровалась:

- Брат Сяо Нян, ты вернулся так поздно прошлой ночью, почему бы тебе не поспать подольше сегодня?

Юй Цзинь Нян замахал руками:

- Я не хочу спать, я встал, чтобы сделать несколько десертов из клейкого риса, чтобы избавиться от вчерашнего невезения!

Напевая, он выбрал из корзины чашку больших, мясистых красных фиников и приготовил на пару миску клейкого риса. Одновременно он приказал:

- Цин Хуань, выбери для меня косточки из этих фиников и разрежь их пополам, но не полностью. Я буду молотить клейкий рис.

- Хорошо, - решительно ответила Цин Хуань.

Не успел Юй Цзинь Нянь закончить молотить клейкий рис, как она обработала все финики, один за другим. Пухлые красные финики выглядели теплыми и счастливыми, они как будто улыбались и было в них что-то забавное.

Юй Цзинь Нянь молотил клейкий рис, пока он не стал мягким и нежным, так что все зерна исчезли, будто он делал тесто для лепешек. После этого он научил Цин Хуань складывать тесто в небольшие полоски, разминать их, а затем помещать их в разрез красных фиников.

- Положите финики в кастрюлю и готовьте на пару, - он облизывал прилипший к пальцам клейкий рис, пока давал указания Цин Хуань положить финики в корзину пароварки.

Пока финики готовились на пару, Юй Цзинь Нянь приготовил освежающий и аппетитный суп из креветок и капусты*.

Когда наступило время, финики вынули из кастрюли. Каждый из них был таким красным и блестящим, как будто их смазали маслом. Круглые финики выглядели восхитительно. Сладость фиников и аромат клейкого риса прекрасно сочетаются друг с другом, особенно когда они только что приготовлены.

Цин Хуань сразу же подошла и взяла один финик, но он был настолько горячим, что она невольно зашипела. Юй Цзинь Нянь посмеялся над ее нетерпением, достал мед с османтусом, который он сделал ранее, и тонким слоем намазал финики, сказав:

- Вот что делает их такими вкусными.

Огненно-красные радостные финики с прослойкой белоснежного клейкого риса, покрытые медом с золотинками лепестков османтуса были достойны подачи в любом большом ресторане.

Цин Хуань съела две штуки и, не желая тратить мед, оставшийся на пальцах, облизала их начисто.

Когда Юй Цзинь Нянь вернулся в комнату с финиками и супом из креветок и капусты, Цзи Хун, как оказалось, уже проснулся.

Юноша подбежал к нему с финиками и радостно сказал:

- Открой рот, а.

Цзи Хун слегка отвернулся:

- Я еще не прополоскал рот.

- Неважно! - Юй Цзинь Нянь был настойчив, заставляя его откусить кусочек. Возможно, после вчерашнего неприятного инцидента он также бессознательно принял эти феодальные суеверия. - Быстро, быстро, османтусовый мед стекает, он липкий.

Цзи Хуну пришлось открыть рот и осторожно откусить кусочек. Юй Цзинь Нянь действительно не испытывал к нему неприязни, он закинул оставшуюся половину себе в рот. Клейкий рис был настолько липким, что издавал скребущий звук, когда его пережевывали зубами. Он сидел в изголовье кровати и ел, убеждая Цзи Хуна встать и умыться. Пока он невнятно мычал, к его спине прижалось теплое тело.

Юй Цзинь Нянь на мгновение замолчал.

Цзи Хун завернулся в одеяло вместе с юношей, наклонил голову и положил ее к нему на плечо. Кончик его носа медленно потерся о гладкую, нежную кожу шеи. Возможно, это было связано с тем, что Юй Цзинь Нянь провел утро на кухне, где готовились на пару финики, и от него тоже пахло финиками. Он был даже слаще, чем финики с медом на тарелке.

Не удержавшись, Цзи Хун открыл рот и укусил его. Дрожь пробежала по телу Юй Цзинь Няня и он откинулся на спину. Скинув ботинки, он накрылся одеялом вместе с человеком, который только что проснулся и принялся дразнить его. Он прижал Цзи Хуна к подушке и сильно укусил его, как будто хотел отомстить за то, что его укусили за шею в особняке Ян.

Единственными звуками, доносившимися из комнаты, были скрип кровати, приглушенные вздохи мужчины и чистый, проникновенный смех юноши.

Пока он грыз его, за окном раздалось внезапное «Га!», за которым последовал крик.

- А? - Юй Цзинь Нянь высунул голову из-под одеяла и внимательно прислушался, задаваясь вопросом. - Что это, черт возьми, такое? Гуси? Откуда взялись гуси в нашей лапшичной? Это просто мое воображение? Я пойду и посмотрю.

Не успели эти слова прозвучать, как молодого человека, который уже собирался встать с кровати, оттащили назад и уложили обратно под одеяло. Через несколько мгновений раздался влажный, липкий звук поцелуев. Два оттенка волос спутались на подушке.

Юноша выдохнул:

- Где ты целуешь? Подожди, подожди, дай мне перевести дух ...

Раздался еще один глубокий, приглушенный голос:

- Сосредоточься.

Юноша пробормотал:

- Нет, я действительно слышал гуся!

Мужчина сказал:

- Ничего не говори.

Юй Цзинь Нян только успел честно закрыть рот, как в следующий момент словно кто-то опрокинул утиное гнездо:

- Кря-кря... кря-кря... кря-кря!

- Видишь, там утка! - с этими словами он оттолкнул взволнованного мужчину, удивленно спрыгнул с кровати, натянул ботинки и выбежал на улицу, оставив Цзи Хуна в полном одиночестве. Через несколько мгновений из двора раздался радостный крик:

- А-Хун, выходи посмотреть! Это большой белый гусь!

Цзи Хун: «...»

Что такого красивого в белом гусе?

*Кровавое признание - с момента своего создания в период Троецарствия кровавое признание всегда считалось нормой, и никто не сомневался в его надежности. Когда дело доходило до проверки на отцовство, многие люди использовали кровавое признание, которое часто упоминается в древних романах. На самом деле для этого метода нет никакой научной основы. Древний метод идентификации родителей и детей зафиксирован в судебно-медицинских работах династии Сун. Метод заключается в капании крови живого человека на кости мертвеца, чтобы посмотреть, проникает ли она. Если она может проникнуть, это означает, что между ними существует кровное родство.

*Финики с клейким рисом

*

*Капустный суп с креветками

<http://bllate.org/book/13608/1206867>